

Владислав Ходасевич

Обманутые надежды

Ходасевич В. Ф. Собрание сочинений: В 4 т.

Т. 1: Стихотворения. Литературная критика 1906-1922. - М.: Согласие, 1996.

Составление и подготовка текста И. П. Андреевой, С. Г. Бочарова.

Комментарии И. П. Андреева, Н. А. Богомолова

[OCR Бычков М. Н.](#)

Приветствовать новое дарование, сказать, что в мире стало отныне одним поэтом больше, -- вот для каждого друга поэзии величайшая радость. Мудрено ли, что мы особенно напряженно искали ее в последние годы, когда так много явилось стихотворцев и так мало поэтов? Мудрено ли и то, что в поисках наших мы порой ошибались -- и с горечью сознавали свою ошибку?

Одно из таких огорчений выпало на долю пишущего эти строки. Весной 1914 года, сперва во вступительном слове к первому поэзоконцерту Игоря Северянина, потом на страницах "Русских Ведомостей", я с радостью говорил о незаурядном таланте этого поэта. Не скрывая серьезных погрешностей его лиры, я выражал надежду, что недостатки поэзии Северянина -- временные, что он ими переболеет и они отпадут сами собой. Казалось, с течением времени пройдет у поэта пристрастие к "фешенебельным темам", ликерам, кокоткам и лимузинам; хотелось верить, что из стихов Северянина скоро исчезнет пошловатое верхоглядство фланера, что глубже всмотрится он в окружающее, перестанет по пустякам растрачивать свое дарование и заговорит языком, подобающим поэту. Его первая книга -- "Громокипящий кубок" -- давала право на такие надежды.

Вслед за "Громокипящим кубком" появилась "Златолира". Об этом сборнике хотелось молчать, так как, за исключением нескольких стихотворений, книга была составлена из пьес, написанных гораздо ранее "Громокипящего кубка". По ней никак нельзя было судить о движении творчества Северянина, и только успехом "Кубка" можно было объяснить ее появление.

Но минувшей зимой почти одновременно вышли еще две книги: "Ананасы в шампанском" и "Victoria regia". Они также вдоволь разбавлены старыми, недоделанными, ученическими пьесами, писанными, судя по датам, иногда за четыре, за пять, даже за десять лет до выхода "Громокипящего кубка". Но все же и позднейших стихов набралось бы из них в общей сложности на целую книгу. И, конечно, только об этой несуществующей в виде отдельного издания *второй* книге Северянина стоит говорить, так как время для изучения его "ученических годов" еще не настало; вероятно, и никогда не настанет.

По-прежнему неглубокой осталась поэзия Северянина. Мелочные переживания питают ее, -- порою до того мелочные, что становится тяжело: то это спор с какой-то женщиной, предъявившей к тому "я", от чьего лица писаны стихи, иск об алиментах; то грубая брань по адресу критики, то постыдные в устах поэта счеты с другим поэтом, упреки в зависти; то, наконец, хвастовство ходкостью "Громокипящего кубка"...

Два года -- не малый срок, в жизни поэта особенно. Почему же так плохо его использовал Северянин? Он не растет ни умом, ни сердцем. И особенно убогой кажется его наигранная, неправдивая, с оглядкой на рецензента, мания величия, когда, подходя к гигантским событиям наших дней, обращается он к Германии: Германия, не забывайся! Дрожи перед моею лирой!

Ведь он же отлично знает, что все эти выкрики -- просто вздор.

Плохую службу сослужили Северянину его публичные выступления. Я не говорю ничего против чтения стихов с эстрады: возражать против такого чтения, в конце концов, -- то же, что возражать против печатания их в книгах. Но одно дело -- читать стихи с эстрады, другое -- для эстрады писать их. Слишком изучил Северянин, что вызывает аплодисменты, что нет. И вот, боясь лишиться успеха, боится он каждого шага вперед, старается подносить публике то, что уже было признано и одобрено. Северянин пишет "под Северянина". Нужно ли говорить, что такие старания неизбежно бесплодны?

Я еду в среброспицной коляске Эсклармонды
По липовой аллее, упавшей на курорт,